

На рубеже XIX и XX веков Россия жила с острым и завораживающим предчувствием перемен. Пробуждение веками копившихся сил рождало яркие образы грядущего, в котором человеческие воля и разум должны взять верх над природными стихиями.

К. Богаевский. «Корабли» (1912).

Московская публика на остановке трамвая (1908).

В противоположность напряженным и сосредоточенным лицам русских людей на фотопортретах XIX века, в начале века двадцатого настроение становилось другим. Судя по всему, формирование нового человека началось задолго до того, как его образ был канонизирован на революционных плакатах.

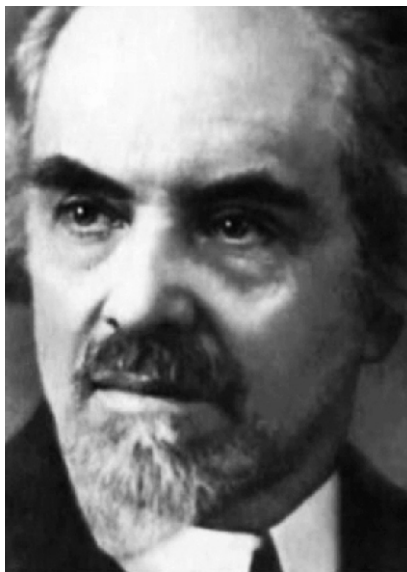
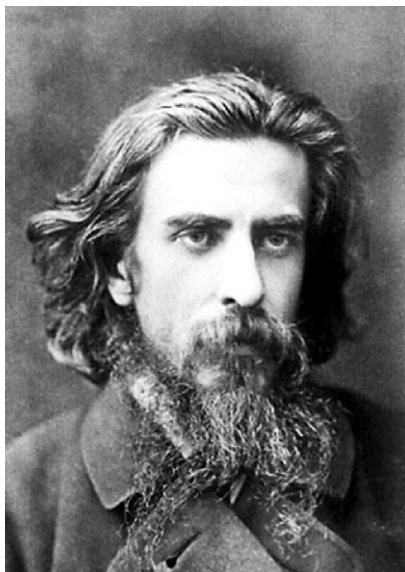
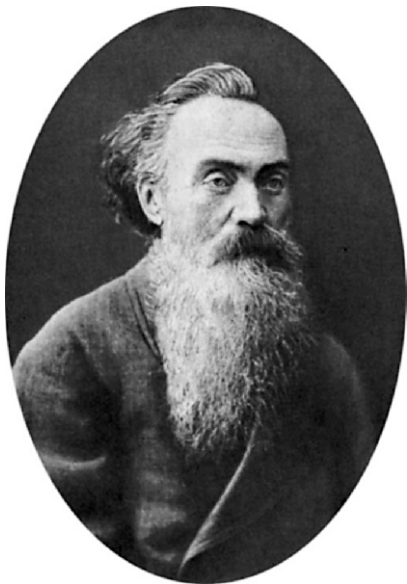
Русский авиатор Михаил Ефимов (1911).

На лицах крестьян, на чью долю приходилось более 90 процентов населения Российской империи со столетиями рабства и беспросветной нужды, — равнодушие и едва скрываемый классовый сарказм. Многие, в том числе Горький и Бунин, решительно отказывали русскому крестьянству в праве на новую жизнь.

Вместе с тем, у крестьянских детей той же эпохи — уже совершенно другие лица.

Русская философия в полном мере смогла сформулировать и обосновать идею преодоления природных и социальных стихий силою воли и разума. Сверхчеловечность в России понималась как пролог к богочеловечеству. Эти идеи наполняли и питали и наш «серебряный век».

*Н. Страхов, В. Соловьев
Н. Бердяев, Н. Гумилев*

Русские учёные, в полной мере реализовавшие идеал сверхчеловечности в науке и технологических достижениях.

*Н. Вавилов, А. Чижевский
В. Вернадский, И. Курчатов*

Идея сверхчеловека в СССР проявлялась, прежде всего, через невиданное массовое стремление к образованию и знаниям. С 1930-х по начало 1970-х годов отсутствие образования и дефицит знаний были знаками несостоятельности, если не позора.

В тех же сферах, где был востребован обычный труд, делом чести считались рекорды интенсивности и производительности.

В отличие от гитлеровской Германии, сделавшей из идеи сверхчеловека примитивный и жестокий культ силы и расового превосходства, в нашей стране — что бы ни говорили сегодня про «жестокие и страшные» тридцатые годы — люди оставались людьми.

Дискурс нового мира и нового человечества не истреблял в них прежней человечности. Они продолжали любить, смеяться и мечтать.

Антропология этой эпохи настолько выбивалась из привычного порядка вещей, что даже для многих современников представлялась невозможной и фантастически неповторимой. Как, например, для Павла Когана, написавшего незадолго до войны такие строки:

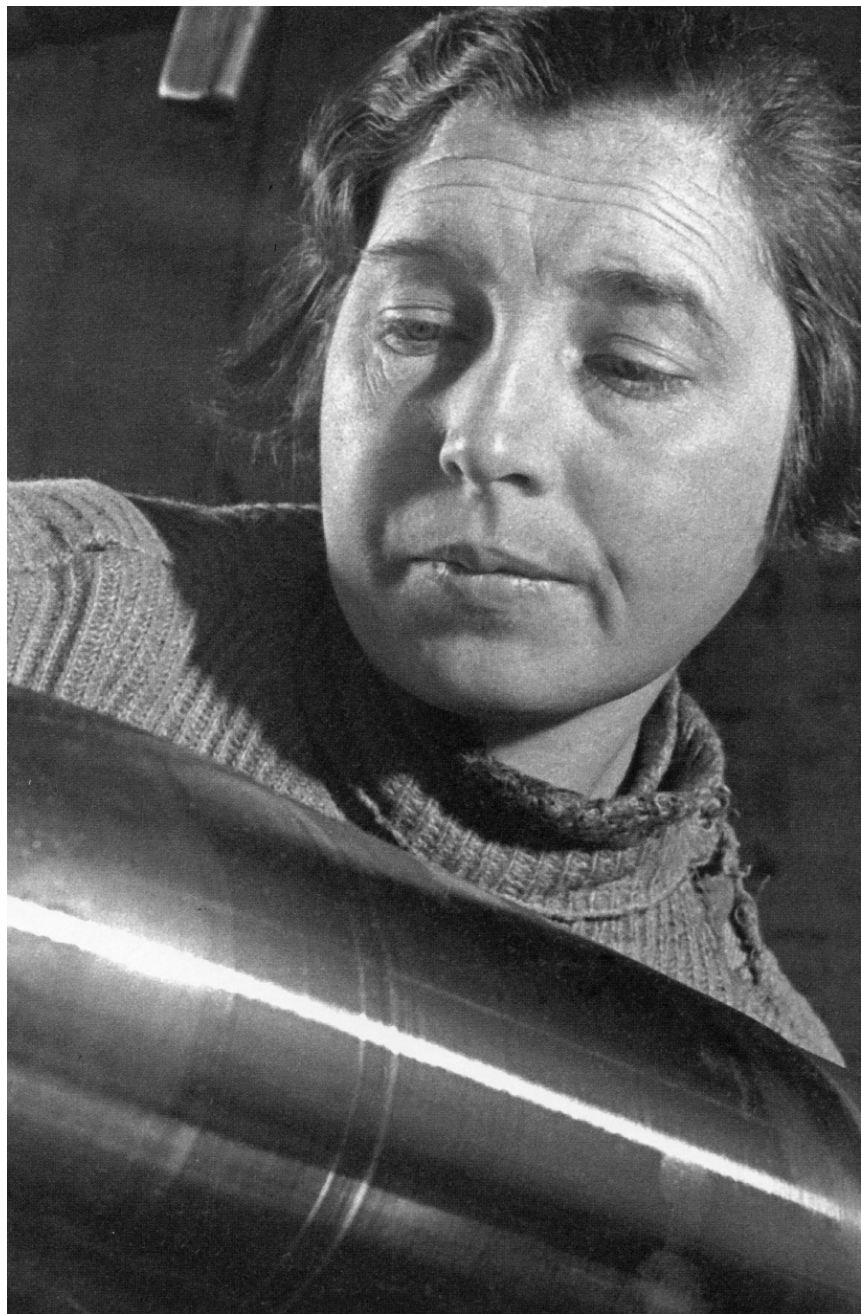
Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода...

На этих photographиях хорошо видно, какого рода люди победили в самой страшной в истории войне. Мощь и волю «сверхчеловеческой германской нации» сломили отнюдь не «сталинские рабы» и не «азиатские орды».

*Бойцы Красной Армии на Красной площади в 1941 г.
Эвакуированные пожилая женщина с внучкой на сельских работах в августе 1941 г.*

Работница военного завода. 1942 г.

И. Сталин с начальником Генштаба РККА Б. Шапошниковым.

К. Рокоссовский

Из многочисленной плеяды советских военачальников — творцов Победы — особо хочется выделить Маршалов Советского Союза Б. Шапошников и К. Рокоссовского.

Оба — начинали службу в царской армии с самых низших ступеней. У 18-летнего Рокоссовского не хватало класса гимназии для вольно-определяющегося, и он начал службу добровольцем.

Оба — находясь в заведомо худшей позиции, наисто переиграли надменных и уверенных в собственной гениальности и силе наследников Барбароссы и Мольтке.

Наряду со многим другим, Борису Шапошникову мы благодарны спасением нашей страны в битве под Москвой. Константину Рокоссовскому — триумфальному наступлению 1944 года, символически начатому 22 июня и спустя три недели отбросившему врага за западную границу СССР.

Оба — единственные из советской военной элиты, к кому Сталин обращался «на вы». И оба — до последних дней остававшиеся верными присяге, чести и России.

Развал СССР и крах советской индустриальной экономики пришлось на время коренной смены психологических доминант при переходе от индустриальной модели к технократическому строю. Наш народ оказался к этому переходу не готов.

Но в той же степени бывшие советские люди не готовы сегодня превращаться в функциональные «винтики» постиндустриального общества или безропотно возвращаться за конвейер во имя процветания случайной горстки богатей.

С каждым днём становится всё очевиднее, что полнокровная жизнь страны сможет быть возрождена только свободными трудом, волей и знаниями, через которые реализуется полнота человеческого бытия. Поэтому Новой России или не будет, или же она найдет силы сделаться страной подлинных и состоявшихся сверхчеловеческих идеалов.